

употребляется выражение «назначение экспертизы» (ч. 1 ст. 186; ч. 2 ст. 226; ч. 1 ст. 227; ч. 2 ст. 231; ч. 6 ст. 229 УПК и т. д.), и, наконец, нередко законодатель оперирует категорией «проведение экспертизы» (ч. 1 ст. 196; ч. 1 ст. 206 УПК и т. д.). В ч. 1 ст. 235 УПК употребляется выражение «назначение или проведение экспертизы».

Разные подходы законодателя закономерно детерминируют вопросы о корректном названии как самого следственного действия, так и постановления следователя (лица, производящего дознание), инициирующего проведение экспертного исследования. Видится потребность в уяснении причин такого хаоса в употребляемой терминологии и способов его нивелирования.

Сложности терминологического характера обусловлены двухзвенной структурой рассматриваемого следственного действия. Оно состоит из деятельности следователя (лица, производящего дознание), назначающего экспертное исследование, и деятельности эксперта, его проводящего. Описывая общие правила и требования к участникам данного следственного действия, к их действиям, законодатель вынужден акцентировать внимание либо на этапе назначения, либо на этапе проведения экспертизы, так как субъекты деятельности на данных этапах различны (следователь и эксперт), как и само содержание правоотношений. При этом разработчиками УПК изначально не были подобраны и введены в оборот необходимые выражения синонимичного характера, позволяющие избежать некорректного употребления категорий, из которых складывается название рассматриваемого следственного действия.

Корректировать название «назначение и проведение экспертизы», на наш взгляд, нет необходимости, так как оно в полной мере соответствует сущности складывающихся правоотношений. Законодателю следует, по нашему мнению, ввести в употребление оборот «проведение экспертизы» исключительно при описании правоотношений, складывающихся на этапе работы эксперта или экспертного учреждения. Когда же речь ведется о деятельности следователя (лица, производящего дознание) в рамках рассматриваемого следственного действия уместным видится использование выражения «инициировать экспертное исследование» вместо «назначить экспертизу».

Постановление следователя, инициирующее экспертное исследование, целесообразно назвать «постановление о назначении и проведении экспертизы». Соответственно, и иные процессуальные документы (протокол ознакомления с постановлением о назначении и проведении экспертизы и др.) должны в полной мере отражать название следственного действия.

Выражения «назначить экспертизу» и «провести экспертизу» корректно употреблять только в связке при обозначении полного названия

следственного действия. Их отдельное использование при описании правоотношений, связанных с инициированием и проведением экспертного исследования, видится некорректным. Это же относится и к однотипным вариантам фраз: «экспертиза», «назначение экспертизы», «проведение экспертизы» и др. Вместо них, исходя из требуемого смыслового содержания, целесообразно использовать полное название следственного действия «назначение и проведение экспертизы» или выражения «инициировать экспертное исследование», «проведение экспертизы», обозначающих соответствующую деятельность конкретного субъекта на одном из этапов рассматриваемого следственного действия.

УДК 343.13

Я.П. Ряполова

ЦИФРОВИЗАЦИЯ НАЧАЛЬНОЙ СТАДИИ УГОЛОВНОГО ПРОЦЕССА: ПОСТАНОВКА ПРОБЛЕМЫ И ПЕРСПЕКТИВЫ СОВЕРШЕНСТВОВАНИЯ УГОЛОВНО-ПРОЦЕССУАЛЬНОГО ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА¹

Цифровые технологии в современном мире преобразовывают устоявшиеся государственные и общественные институты, воздействие технологического фактора на правовые отношения становится неизбежным и наступательным. В эпоху четвертой промышленной революции заявляют о трансформации традиционного права [1, с. 5], выдвигается гипотеза национальных моделей цифровизации правовой культуры [2, с. 10] и пр.

Справедливо считать, что изменения уголовно-процессуального законодательства не отражают темпа развития современных телекоммуникационных отношений, только отдельные последние изменения законодательства направлены на восполнение известного пробела. Как полагают многие исследователи, цифровизация досудебного уголовного судопроизводства в России происходит непоследовательно и неоперативно, законодатель медлит с интегрированием в уголовный процесс предлагаемых электронных новинок, не обращая внимания даже на тот факт, что Уголовно-процессуальный кодекс РФ в этом вопросе заметно отстает от других российских процессуальных законов [3, с. 642], не говоря уже об отрыве от ведущих мировых практик, где достаточно давно и успешно интегрируются технологические решения в правоохранительную деятельность [4, с. 121; 5, с. 84; 6, с. 22].

¹ Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда (проект № 19-78-00088).

Важно отметить, что теоретические изыскания в сфере обеспечения технологичности уголовного процесса активизировались относительно недавно, при этом работы, имеющие соответствующую направленность применительно к стадии возбуждения уголовного дела, носят единичный либо фрагментарный характер, что говорит о необходимости дальнейших исследований в этой области. Часто под видом разработки прогрессивной нормативной модели поэтапного перестроения досудебного производства в условиях развития цифровых технологий предлагаются радикальные организационные изменения досудебного производства. Так, принято считать, что высокая зрелость IT-технологий настоятельно требует трансформации существующих процессуальных порядков [7, с. 141; 8, с. 18], в частности, уместно говорить об исключении стадии возбуждения уголовного дела. Рассуждения в подобном ключе оправдываются стремлениями реализовать желаемые цели – решение проблем и противоречий начальной стадии – без учета объективных обстоятельств и возможных неблагоприятных последствий предлагаемой модернизации. Однако, полагаем, что новая цифровая реальность по определению способна обогащать нормативные комплексы уголовно-процессуального и любых других отраслей права, даже если они представляются несовершенными при традиционных оценках их законодательной эффективности. Следовательно, выглядит нелогичной расстановка приоритетов, когда вначале предлагается преобразовать досудебное производство по «эффективному сценарию», а уже потом привносить «цифру» в реорганизованный институт начала досудебного расследования. Кроме того, как верно отмечено П.П. Ищенко, цифровизация уголовного судопроизводства согласно мировому опыту вовсе не предполагает разрушительного реформирования законодательства [9, с. 97].

Не вдаваясь в дискуссию о предпочтительных путях преобразования досудебного производства, будем исходить из того, что поисковая проверочная деятельность на этапе приема сообщений о преступлении и реагирования на них объективно необходима и предпочтительнее, если она будет облачена в процессуальную форму [10, с. 132]. В настоящее время стадия возбуждения уголовного дела призвана служить процессуальным рубежом, отсекающим возможности необоснованных расследований происшествий, не имеющих криминального характера, стадия показала свою состоятельность и по праву считается сложившейся правовой традицией уголовного судопроизводства как в России, так и в Республике Беларусь.

Если обобщить обсуждаемые перспективы совершенствования уголовно-процессуальной регламентации начальной стадии процесса в условиях внедрения современных информационных технологий, наиболее востребованные и ожидаемые вскоре изменения касаются замены

устаревшего письменного делопроизводства электронным документооборотом, а также введения автоматизированного порядка приема, регистрации, обработки сообщений о преступлениях [11, с. 110], что позволит существенно снизить количество нарушений в учетно-регистрационной работе правоохранительных органов, объективизировать криминальную статистику и искоренить порочную практику укрывательства преступлений. В отдельных работах аргументируется предложение о возложении на прокуратуру функции администрирования онлайн-платформы (портала) приема и регистрации сообщений о преступлениях [12, с. 61]. Самостоятельным направлением цифровизации начальной стадии следует считать разработку и применение дистанционных форм производства следственных и иных процессуальных действий [4, с. 120]; информационные технологии также могут внедряться в целях оптимизации судебного контроля на начальном этапе уголовного судопроизводства [13, с. 43]. В контексте долгосрочных перспектив цифровых преобразований процессуальной формы досудебной стадии процесса заслуживают внимания идея создания компьютерных программ для правоприменителя, способных к анализу, а именно в автоматическом режиме соотносить информацию из сообщения с имеющимися описаниями признаков, отыскивать и предлагать правоприменителю возможные варианты соответствия; переход на фиксацию хода процессуальных действий с помощью технических средств и сохранение результатов в электронном виде [11, с. 61–62].

Говоря о возможных рисках предстоящей цифровизации, чаще имеют в виду проблему обеспечения информационной безопасности в сфере идентификации личности, угрозы несанкционированного доступа и фальсификации извне сохраненных электронных документов. Для решения этого вопроса потребуется качественное техническое решение, ведь эффективность любых правовых норм находится в прямой зависимости от уровня технического обеспечения правоохранительных органов и населения. Уместно в этой связи упомянуть об апробированных стандартах обеспечения информационной безопасности и защиты информации в любой системе электронного документооборота: аутентификации пользователя системы, распределении прав доступа для пользователей системы, поддержке электронной подписи, шифровании данных, протоколировании и аудите работы пользователей в системе в режиме реального времени [14, с. 139].

По-прежнему открыт вопрос так называемого цифрового неравенства, когда для отдельных лиц все еще остаются недоступными для понимания или использования достижения электронных технологий. Конечно, это не должно стать препятствием для доступа к правосудию, ввиду этого на первых порах прием и регистрацию сообщений о преступлениях в

электронной форме целесообразно развивать как альтернативную модель формирования повода для возбуждения уголовного дела наряду с традиционным. Полагаем, что каждое вводимое законодателем технологическое решение в ходе пилотных проектов, в рамках эксперимента в среднесрочной перспективе должно реализовываться наравне с возможностью применения прежнего порядка производства тех или иных процессуальных действий по ходатайству заинтересованных лиц (с их согласия).

Л.А. Воскобитова, анализируя попытки автоматизировать начальный этап уголовного судопроизводства в российской практике, справедливо акцентирует внимание на преобладании ведомственного подхода в такой цифровизации, когда «цифровые технологии „вписываются“ в общую работу того или иного ведомства» [11, с. 64]. И это важное замечание: в системе правоохранительных органов сейчас, пожалуй, не осталось ни одного ведомства, которое еще не внедрило бы собственные модернизированные специальные программы и сервисы, аппаратные комплексы и т. п., позволяющие создавать, подписывать защищенные электронные документы, обеспечивать их хранение, обмен, передачу, консолидацию разнородных данных, поддерживать информационное взаимодействие при решении служебных задач и т. п. При этом сложно возразить уважаемому автору в том, что цифровизация уголовного судопроизводства должна происходить на единой платформе, обеспечивающей функциональное взаимодействие должностных лиц между разными ведомствами, реализующими отдельные этапы уголовно-процессуальной деятельности.

Таким образом, цифровизация начальной стадии уголовного процесса является приоритетной задачей развития российского уголовно-процессуального законодательства в современный период, применение технических средств и технологий способствует своевременности и оперативности реагирования на поступившие сигналы о преступлении, придает оптимизируемым процедурам прозрачность и контролируемость и имеет большой потенциал в целях объективизации уголовно-процессуальной деятельности при возбуждении уголовных дел, повышения ее эффективности.

1. Талапина Э.В. Право и цифровизация: новые вызовы и перспективы // Журн. рос. права. 2018. № 2. С. 5–17.

2. Синюков В.Н. Цифровое право и проблемы этапной трансформации российской правовой системы // LexRussica. 2019. № 9. С. 9–18.

3. Добровлянина О.В. Некоторые аспекты о процессуальном изъятии (копировании) электронных носителей информации // Перм. юрид. альманах. 2019. № 1. С. 641–649.

4. Зуев С.В. Цифровая среда уголовного судопроизводства: проблемы и перспективы // Сибир. юрид. вестн. 2018. № 4. С. 118–123.

5. Пастухов П.С. Электронный документооборот в уголовном процессе США // Правопорядок: история, теория, практика. 2018. № 4. С. 81–87.

6. Рябинина Т.К., Лясковец А.В. Международное сотрудничество в сфере уголовного процесса: проблемы и перспективы // Изв. Юго-Запад. гос. ун-та. Серия «История и право». 2012. № 2-1. С. 19–23.

7. Масленникова Л.Н. Трансформация досудебного производства в начальный этап уголовного судопроизводства, обеспечивающий доступ к правосудию в эру Industry 4.0 // Актуал. проблемы рос. права. 2019. № 6. С. 137–146.

8. Власова С.В. К вопросу о приспособлении уголовно-процессуального механизма к цифровой реальности // Библиотека криминалиста. 2018. № 1. С. 9–18.

9. Ищенко П.П. О путях реформирования и цифровизации начального этапа предварительного расследования // Вестн. Ун-та имени О.Е. Кутафина. 2019. № 8. С. 89–99.

10. Рябинина Т.К., Ряполова Я.П. Негативные последствия упразднения стадии возбуждения уголовного дела // Кримінальне провадження: новації процесуальної теорії та криміналістичної практики : матеріали Міжнар. наук.-практ. конф., Сімферополь-Алушта, 18–19 квіт. 2013 р. / Тавр. нац. ун-т ім. В.І. Вернадського ; редкол.: М.А. Михайлов (відпов. ред.), Т.В. Омельченко. Сімферополь, 2013. С. 130–132.

11. Усачев А.А. Цифровизация начального этапа досудебного производства и правовая определенность российского уголовного процесса // Вестн. Ун-та имени О.Е. Кутафина. 2019. № 8. С. 100–110.

12. Воскобитова Л.А. Цифровизация начального этапа уголовного судопроизводства как необходимое средство обеспечения прав потерпевших // LexRussica. 2020. № 4. С. 53–68.

13. Масленникова Л.Н., Сушина Т.Е. Оптимизация судебного контроля на начальном этапе уголовного судопроизводства в условиях цифровых технологий // Рос. юстиция. 2019. № 3. С. 41–43.

14. Бычков С.С., Попов А.М. Обеспечение информационной безопасности в системах электронного документооборота // Решетнев. чтения. 2013. Т. 2. С. 139–140.

УДК 343.12

А.В. Самко

ЗАКЛЮЧЕНИЕ ПОД СТРАЖУ В УГОЛОВНОМ ПРОЦЕССЕ УКРАИНЫ И КАЗАХСТАНА: ЦЕЛЕСООБРАЗНОСТЬ ИМПЛЕМЕНТАЦИИ ОТДЕЛЬНЫХ ПОЛОЖЕНИЙ

Уровнем демократизации правового режима в государстве является степень обеспечения внутренним законодательством свободы и личной неприкосновенности граждан [1, л. 2].